

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС



СИНДРОМ ВОЙНЫ

БРАТ НА БРАТА, СЫН НА ОТЦА

Донбасс

Александр Тамоников

Синдром войны

«ЭКСМО»

2015

Тамоников А. А.

Синдром войны / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2015 — (Донбасс)

Поселок Степановка в Луганской области заняли украинские военные. Эта местность идеально подходит для размещения дальнобойной артиллерии, и ополченцы понимают, что такое соседство может привести к катастрофическим последствиям. В поселок срочно выдвигается отряд отставного капитана ВДВ Алексея Стригуна. Бойцам приказано уничтожить противника и взять пару «языков». Солдаты Стригуна виртуозно справляются с поставленной задачей, но на обратном пути их вертолет терпит крушение. Выжившие бойцы самообороны вместе с пленными украинской армии укрываются в заброшенном селе и ждут помощи. Но помощь не приходит, а село занимает карательный батальон «Азов»...

© Тамоников А. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Синдром войны

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Перемирие, объявленное Киевом три месяца назад, вступало в горячую фазу. Снаряды ложились не очень плотно, оставляли шансы на выживание. Степной поселок Мурга, расположенный на нейтральной территории, подвергся хаотичному артобстрелу. Взрывы гремели за северной околицей, рвали овраг, тянувшийся за заброшенной силосной башней.

Пара снарядов долетела до центра поселка. В воздух взмыли обломки плетня, комья земли со свежевыпавшим снегом. Ржавое ведро с цепью оторвалось от колодца, описало красивую дугу и вошло в штопор.

«Начинаем день с большой ошибки?» – с тревогой подумал Алексей, спрыгивая с брони БМП-2.

Он добежал до ближайшей рывины за обочиной и махнул рукой бойцам, покидавшим боевую машину. Подчиненные ушли с дороги, залегли. Еще один снаряд, прилетевший непонятно откуда, разнес в щепки покосившуюся баньку.

Алексей Стригун – тридцатилетний капитан ВДВ в запасе, подтянутый русоволосый крепыш, – раздраженно поморщился. Лучше бы минами забрасывали. Они тоже не подарок, но хоть предупреждают о своем прибытии тоскливым воем, оставляют пусть мизерный, но шанс добежать до укрытия.

Бойцов непризнанной республики засекли украинские наблюдатели, укрывавшиеся в лесу, и мгновенно отреагировали. Про перемирие и ничейную землю силовики решили забыть. Артобстрел продолжался – бестолковый, не эффективный, но весьма раздражающий.

Началось все с того, что некий доброжелатель из местных сообщил в Староброд, где стоял гарнизон ополченцев полковника Доревича, что в Мурге, по адресу улица Карбышева, 14, мирные жители прячут их раненых товарищей. Вывезти не могут, лечить нечем.

Разведывательно-штурмовая группа батальона подполковника Зимакова под командованием Стригуна получила приказ. Она почти мгновенно выдвинулась на 18 верст и на южной окраине Мурги попала под обстрел.

Противник в атаку не шел, бил из дальнего леса, что несколько снижало вероятность нарваться на засаду. Если бы украинцы ее готовили, то не стали бы себя обозначать. Но работать следовало осторожно. Снаряды все чаще залетали в восточную часть поселка.

Алексей передернул затвор «АКСа» и выглянул из канавы. Над Мургой плыли клубы дыма – горел заброшенный сеновал. Еще один снаряд разорвался на соседней улице. Бойцы его подгруппы уже покинули БМП. Машина одиноко торчала посреди дороги, вода орудийным стволом – точно принохивалась.

– Гоша, это Простор! – бросил в рацию Стригун. – Прием!

– Слушаю, командир! – с ярко выраженным кавказским акцентом отозвался механик-водитель Георгий Гавава.

– Уводи машину с дороги, не маячь! В ближайший огород, куда угодно, но чтобы духу ее тут не было!

– Понял, командир. А может... – Ох, уж эти вольнолюбивые закавказские народности!

– Гоша, первая заповедь! – взорвался капитан.

– Помню, командир, – отозвался механик. – Не бесить начальство!

Неуклюжая гусеничная машина, способная, впрочем, догнать степного зайца, ушла с дороги, проломила ограду и растворилась во чреве огорода и придомовых построек. Деликатностью вождения бывший дальнобойщик из Батуми, по неведомым мотивам оказавшийся в ополчении, не отличался. «Моя машина – мои правила», – любил он поговаривать в ответ на претензии к качеству езды. Убрался Гавава вовремя. Дорогу накрыли разрывы, и дышать от пороховой гари стало нечем.

Напевая под нос «А на нейтральной полосе цветы – необычайной красоты», в канаву съехал двадцатишестилетний Андрюха Левин, худой чернявый хохмач, бывший кровельщик-монтажник из Краснодона. Он отбежал подальше от начальства, размазал грязь по физиономии и смело высунулся из канавы.

– Молодцы хохлы, командир. – Парень ткнул пальцем в подбитый сарай. – Отличный выстрел.

– Нос убери, – посоветовал Стригун. – А то будешь потом в морге соседу по полке доказывать, что ты не высывался.

– Да ладно, – отмахнулся Левин. – Не мамонт, не вымру. – Но на всякий случай храбрец опустил ся пониже.

Разрывы сместились, гремели теперь на восточной околице. С цветами на нейтральной полосе было проблематично – настал декабрь. На восток Украины пришли морозы. Ночная температура опускалась до минус пятнадцати, днем слегка подрастала. Снег уже устлал землю, скапливался в низинах. Дули порывистые ветра, носилась поземка, солнце из косматых туч не выглядывало несколько дней.

Алексей бегло отслеживал обстановку. Бойцы из его подгруппы уже не светились, все попрятались. Никого не зацепило. Похоже, укры засекли их на подходе к Мурге, а в самом поселке потеряли, палили вслепую.

За растерзанным колодцем матерился светловолосый Фрол Антонец – боец киевского «Беркута», еще в марте «эмигрировавший» на Донбасс и не пожелавший оставаться в стороне от событий. Он выражался вычурно, узорчато, открывая новые склонения существительных – видно, ушибся при падении. Был бы ранен осколком, высказывался бы по-другому.

– Хорошо, что ватники нам выдали, – нарушил молчание Левин, отрясая снег с засаленного воротника. – Теперь мы оправдываем свое прозвище. А хохлы пусть мерзнут и завидуют.

В телогрейках, выданных на складе в Староброде, служило, похоже, не одно поколение советских солдат. Но старые фуфайки, как ни странно, грели, а бронежилеты под ними создавали дополнительный душевный комфорт. Над Антонцом сочным баритоном подтрунивал Евгений Гуляев, харизматичный сорокалетний здоровяк, когда-то служивший в труппе Донецкого драмтеатра, а до этого – прапорщиком по контракту в одной из закрытых ракетных частей.

Оставшиеся двое – Аким Котенко и Ян Шанько – находились на левом фланге. Первый слился в единое целое со столбом электропередач, второму надоело возиться в грязи, он сел на крышку погреба, стащил прохудившийся сапог и вытряхивал из него грязь. Эту парочку Алексей без нужды не доставал. Мужикам перепало в жизни. Оба молодые, слегка за тридцать, безвременно постаревшие.

Приземистый и угрюмый Котенко работал учителем истории в Горловке. Вся семья его погибла от взрыва снаряда, залетевшего в квартиру. Он в одно мгновение потерял жену, двух детей и вполне еще бодренькую мать.

Шанько – худой, перманентно бледный, неразговорчивый. В прошлой жизни работал машинистом в Макеевской дистанции пути. В ополчении с апреля. В начале сентября бойцы «Айдара» по доносу схватили в поселке Юбилейный его невесту Настю, изнасиловали всем взводом и отрубили голову. Он нашел ее, когда из поселка прогнали «защитников европейских ценностей», и похоронил. Умом не тронулся, но почти перестал разговаривать, превратился в машину для убийства. Временами его товарищам казалось, что Ян Шанько осознанно ищет смерти.

Обстрел не прекращался. Снаряды рвались в окрестностях заброшенной фермы, не причиняя никому вреда.

Андрюха Левин поежился и заявил:

– Что-то стало холодать, командир. Вот уроды, да когда же они заткнутся? – Он злобно сплюнул. – Лучше бы пледом накрыли, чем «Градами».

– Репетиция Нового года в разгаре! – добродушно прогудел из укрытия «артист» Гуляев. Явная опасность, по-видимому, миновала.

– Куль, не спишь? – бросил в портативную рацию Алексей.

– Не спится, Простор, – ответил командир второй подгруппы Олег Кульчий, бывший прапорщик ВДВ, сорокалетний полтавчанин, автомеханик и убежденный холостяк.

– Живо выдвигайся на северную околицу. Не светиться, рассредоточить бойцов! Будешь прикрывать, если что. Отход на базу по первому сигналу.

– Понял, Простор.

Вторая БМП до текущей минуты оставалась в тылу – в ложине за южной окраиной. Через минуту послышался рев, и по соседней улочке пронеслась боевая машина. Личный состав находился в десантном отсеке, на броне восседал лишь Ванька Махецкий – молодой чубатый авантюрист.

«Еще одна задница в вечном поиске приключений», – неодобрительно отзывался о нем Стригун. Было за что! Махецкий любил шутить с огнем, без пиетета относился к дисциплине, даже позывной имел соответственный – Махно. Но в разведке он был незаменим.

– О чем задумался, детина? Как изменить мир? – Алексей хлопнул по плечу примолкшего Левина. – Пошли выполнять задачу. Гоша, видишь подстанцию в конце улицы? – бросил он в рацию. – Тащи к ней свое железо. Там ждите. Дам сигнал – дуйте на улицу Карбышева.

– Слушаюсь, командир, – отозвался тот. – Подожди, а может...

– Первая заповедь!

Механик-водитель не ответил.

Ополченцы, облаченные в телогрейки и ватные штаны, по команде покинули укрытия, побежали вперед. Левин вышел из ступора, опасливо косился на далекие разрывы. БМП выдвинулась к подстанции, где и заняла выжидательную позицию. Бойцы прижимались к уцелевшим заборам.

В заброшенном поселке было тихо. Ни людей, ни собак. Если здесь и оставались мирные жители, то при первых же взрывах попрятались в норы. Мурга и раньше была депрессивным недоразумением, окруженным степью, а теперь и вовсе превратилась в село-призрак. Ополченцы ушли отсюда неделю назад, не видя смысла удерживать позицию. Был тяжелый бой, обе стороны откатились, забрав своих раненых. Похоже, ополченцы увезли не всех.

Поселок состоял из трех улиц – Садовой, Степной и Карбышева. Последняя тянулась перпендикулярно первым двум с запада на восток. Народ до войны в этой местности не процветал. Добротных домов почти не было. Половина строений превратилась в руины.

Трое бойцов шли по левой стороне дороги, столько же – по правой. Они осматривали притихшие огороды с голыми деревьями. Дома не подавали признаков жизни. До пересечения Степной с улицей Карбышева оставалось несколько десятков метров. До нужного здания – порядка двухсот.

Ополченцы передвигались короткими перебежками. Вероятность засады не исключалась. Антонец на дальней стороне вырвался вперед, залег за искореженными «Жигулями». С отчаянным мяуканьем из-под машины выскочила кошка, забралась под палисадник и была такова. Все пристально посмотрели ей вслед. Вроде не черная.

Антонец махнул рукой. Перебежал Котенко. Шанько уперся в трансформаторную будку на перекрестке, где и залег под кустом. Он пополз вперед, выбрался на примыкающую улицу и вопросительно глянул на командира. Стригун показал пальцем влево. Шанько понимающе кивнул. Гуляев перебрался к водостоку, где и задержался.

Стригун затаил дыхание, боковым зрением уловил какое-то движение. За оградой что-то скрипнуло, показался согбенный пенсионер в рваной куртке и заячьем треухе. Он вытаскивал из сарая кучку дров, за ограду не смотрел, был занят своим делом.

Левин уже пошел на обгон командира, когда рвануло на соседней улице. Похоже, украинские артиллеристы начинали стрелять по принципу «на кого бог пошлет». Левин испуганно ахнул, скатился в канаву водостока, вылез оттуда красный от смущения, виновато глянул на командира.

Стригун ободряюще улыбнулся. К такому действительно трудно привыкнуть.

– Оступился, Андрюха? – осведомился Гуляев из канавы.

– Да иди ты!.. – огрызнулся Левин. – Очко-то у меня не железное.

К нужному дому на улице Карбышева они подошли с трех сторон. Строение было утоплено в глубине двора. Напротив проезжей части красовалась воронка, в которую провалились дровяная печь и часть беседки, увитой голыми стеблями плюща.

Левин вскарабкался на сарай, примыкающий к подворью с востока, распластался на крыше, взял под наблюдение часть дома. Взрывы продолжали нервировать, хотя и звучали в отдалении. Складывалось впечатление, что эта тупая пальба поднимает украинцам настроение.

Антонец перелез через забор и затаился в грядках. Котенко подполз с соседнего участка, устроился на западной стороне. Каждый боец разведгруппы знал свое место. Остальные миновали воронку, рассыпались по двору, быстро преодолели открытый участок.

Алексей припал к окну, сделал понятный знак – мол, давайте, а я прикрою. Шанько ворвался в хату без лишних эмоций на бледном лице. За ним протопал Гуляев, сопя, как паровоз. Стригун ворвался третьим.

Бойцы разбежались по комнатам. В доме было неухожено, грязно, по нему гуляли сквозняки. В задней части зиял пролом от снаряда. Лестница на чердак была разрушена, люк на потолке заперт. Бойцы за минуту убедились в отсутствии жильцов. Да и странно было бы жить в этом царствии ветров и холода.

Крышка подпола располагалась рядом с печкой, на которой эклектической композицией возвышались классический крестьянский чугунок и китайский термопот. Стригун откинул крышку и на всякий случай отпрянул. Гуляев предусмотрительно убрался за печку. Шанько приготовился к стрельбе.

– Живые есть? – поинтересовался Алексей. – Без глупостей, а то гранатами закидаем!

– Кто вы? – прозвучал из подвала слабый женский голос.

– Ополчение. – Он не удержался от шутки: – Заявку делали?

– Это не я, а мой муж. Он умер сегодня ночью.

Не было конца человеческому горю на этой глупой и беспощадной войне.

В подвал вела добротная лестница. Алексей спустился первым, поколебался и забросил «АКС» за спину. Все в порядке, прибыли по адресу. В подвале, обитом досками, горели свечи, было тепло. Тут имелась буржуйка с выводом дымохода и кучка дров. В данный момент печка не горела, но ночью помещение, похоже, отапливали. По воздуху струился легкий сладковатый запах.

Спустился Гуляев, осмотрелся. Бочки, обросшие плесенью, полки с банками, грязная посуда, консервы, обрывки перевязочных материалов, в том числе окровавленные.

В углу сидела женщина, укутанная в платки и одеяла, плакала. Ей было не больше сорока, но выглядела она старухой, давилась рыданиями. В противоположном углу лежали два тела, укрытые мешковиной. Женщина подползла к одному из них, уронила голову.

Бойцы с трудом разобрались в ситуации. Двое мертвых, столько же раненых. Оба метались в бреду. Один из мертвых – ее муж Николай. Позавчера ему исполнилось сорок восемь, а сегодня ночью от напряжения не выдержало сердце. Когда Алена подползла к нему, он был уже мертв. Все произошло быстро.

Неделю назад они затащили в подвал трех раненых ополченцев, выхаживали их, перевязывали. В подвале было самое теплое место. Имелись запасы дров, какая-то пища, перевязоч-

ные материалы. Им казалось, что в деревне никого не осталось. Несколько раз ревели танковые моторы, доносилась украинская речь. Но до подпола никто не добрался.

Позднее стало тихо. Николаю удалось выбраться наружу, отыскать почти разряженный телефон, дозвониться до гарнизона в Староброде. Один из раненых скончался вчера вечером от заражения крови. Поднять наверх они его не смогли. Николай уже неважно себя чувствовал, хотя и не понимал, в чем дело, ссылаясь на утомление.

Этой стойкой женщине в пору было памятник ставить.

– Левин, Антонец, в подвал! – скомандовал в рацию Алексей. – Шанько, на месте! Гоша, твою дивизию, уводи корыто от подстанции. Быстро на объект!

– Командир, на северной околице стрельба! – взволнованно доложил Гавава. – Парни Кульчия отбиваются от хохлов. Эти твари лезут в поселок!

– И что? – повысил голос Стригун. – Это отменяет приказ?! Мухой к дому!

В подвал свалились Антонец с Левиным.

– Ешкин корень, это же Васька Сычев!.. – пробормотал Гуляев, отшатнувшись от посиневшего трупа. – Мы с ним еще на гражданке знакомы были, он жил на соседней улице, работал на шахте в Горбатовке. Вот же судьба-злодейка, мать ее!..

Раненые бредили. У одного гноилась простреленная нога, у второго был туго перемотан живот. Оставалось удивляться, почему он еще жив. Этих парней ополченцы тоже знали. Оба служили в первой роте батальона Зимакова и считались без вести пропавшими после боя за Мургу.

Раненых извлекли из подвала, уложили на пол. Бойцы вязали простыни, одеяла, чтобы транспортировать бедняг до БМП.

Поднять наружу тело Николая Алена не разрешила, вцепилась в руки бойцов, завывала в полный голос:

– Оставьте здесь! Я сама похороню Коленьку в этом подвале. С вами не поеду. Здесь мой дом и муж. Я никогда их не брошу. Не волнуйтесь, я не сумасшедшая, сильная, справлюсь.

Алексей растерялся. Не тащить же ее волоком в БМП?

«Ладно, пусть остается, будем надеяться, что война вот-вот кончится», – подумал он.

А на северной околице шел настоящий бой. Била пушка второй БМП, ей поддакивал пулемет. За этим гамом автоматные очереди почти не прослушивались. Похоже, силовики, по счастью, не имевшие тяжелой техники, пытались прорваться в поселок, а второе отделение их сдерживало.

Боевая машина Гававы уже была здесь. Она съехала с дороги, смяла забор, расшвыряла обломки сарая и через несколько секунд уже кружилась по двору. Лихач по имени Георгий был в своем репертуаре!

– Алексей, Бакаева ранили в ногу! – взволнованно прокричал в рацию прапорщик Кульчий. – Здесь фигня какая-то творится! Укропы обстреливают нас из степи, подбираются, видимо, хотят узнать, как у нас дела. Их порядка взвода! Нам нужны потери, командир?

– Как Бакаев?

– Живой, кровь идет, ругается.

– Олег, продержитесь несколько минут! Потом людей в отсек, всем отходить!

Потери в этот день действительно были не нужны, как, впрочем, и в любой другой. Он отдавал лаконичные команды: БМП задним ходом к крыльцу! Раненых в отделение для десанта! Остальных – туда же, включая мертвого Сычева. Не оставлять же погибшего товарища! Да, он прекрасно понимает, что десантный отсек рассчитан на шестерых, но придется потесниться! Сычева завернуть! С ранеными обращаться нежно!

Команды выполнялись прытко, никому не хотелось зависнуть в негостеприимном районе. Погрузка продолжалась несколько минут. А силовики в далеком лесу уже прочухали, где

находится их враг. Взрывы смещались к центру поселка. Бойцы суежились, затаскивали раненых в узкую бронированную клетушку.

С башни свесился возбужденный Гавава. Этот сорокалетний щетинистый «абрек» покривал на товарищей, перехватил свирепый взгляд командира и смутился.

Алексей забрался в БМП последним, увидел хмурые лица подчиненных и невольно улыбнулся:

– Чего рожи такие, будто Крым не наш? Подвинулись, сидим по стойке «смирно»!

Отход на базу после выполнения задачи превратился в увлекательный квест. БМП неслась по улице Карбышева, подпрыгивая на ухабах. Гавава пребывал в своей тарелке, даже сделал попытку проделать управляемый занос, завершившийся обрушением забора и дружной руганью спрессованных «селедок».

Ожила скорострельная пушка наводчика-оператора Антона Лопырева, била короткими очередями. Поди пойми, куда он пытался попасть. В узкие бойницы для автоматчиков просматривались лишь прыгающие ограды да фрагменты заброшенных построек.

– Гоша, сбавляй! – зарычал Стригун, вцепившись в ручку над головой. – Ладно мы, но ты же раненых везешь!

– Товарищ капитан, никак нельзя! – крикнул механик-водитель. – Поеду тише – все будем ранеными, а то и убитыми! Оно нам надо?

Потом был головокружительный вираж на улицу Степную и бесконечная тряска без поворотов. Шанько и Гуляев поддерживали раненых, которые от этой болтанки пришли в чувство. Одного рвало, другой стонал сквозь зубы.

Гавава все делал правильно. Возможно, в поселок проник корректировщик огня украинских артиллеристов. Теперь снаряды ложились точнее. Они взрывались сзади, расшвыривая комья задубевшей земли. БМП уже вырвалась в поле, прыгала по бороздам, а за ней расцветали дымные фонтаны, билась в броню ударная волна.

– Нормально, командир! – крикнул Гавава, вцепившись в штурвал. – Старый конь борозды не портит!

БМП вышла из зоны поражения и помчалась на юго-восток. Людям стало веселее. Механик сжалился над измученными пассажирами и сбросил скорость. За бортом тянулась голая степь, кое-где кустарники, редкие перелески.

– Тормози! – приказал Алексей. – Пять минут перекур. Дальше – малым ходом. Желающие могут перебраться на броню.

Он первым потянулся к люку, прыгнул на землю. Ощущение как после шторма. За ним на волю полезли остальные. Бойцы дышали полной грудью, разминали затекшие конечности.

Лязгая и громыхая, подъехала вторая БМП. Из башни высунулся наводчик-оператор Максимов, из люка – механик Чухрай. Физиономии пятнистые, но довольные. Порезвились, искупались в адреналине.

Алексей Стригун поднялся на борт второй боевой машины. Прапорщик Кульчий – небритый, похожий на Кощея в молодые годы – помог ему. Здесь было не так тесно – шестеро здоровых, один раненый.

Доброволец из Чечни Хасан Бакаев лежал на фуфайках лицом вниз, обливался потом, изрыгал проклятья. Над ним склонились товарищи. Пуля пробила верхнюю часть бедра. Боли, конечно, страшные, но нужно очень постараться, чтобы довести это несчастье до летального конца.

Перед пострадавшим на коленях стоял Степан Бобрик – тридцатишестилетний невысокий лысоватый доброволец из Владивостока, бывший десантник и технолог на мясокомбинате. Он, посмеиваясь, делал перевязку.

– Как он? – поинтересовался Алексей.

– Окорок повредил, – сдерживая смех, сообщил Бобрик. – Сзади. Тазобедренную, так сказать, часть. Все в порядке, товарищ капитан, он еще отомстит своим врагам. Подтвердишь, Хасан Рамзанович?

– Зарежу! Шакалы! Всех зарежу! – Раненый взвился и в изнеможении треснулся лбом о фуфайку.

– Я же говорю, практически здоров, – заявил степенный и рассудительный Константин Архипов, бывший сотрудник донецкой автомобильной инспекции.

– На вечерний намаз побежит как миленький, – выдал чубатый Махецкий.

– Издеваетесь?! – взревел пострадавший и снова затих, пронзенный парализующей болью.

Ранение действительно плохо сочеталось с образом гордого кавказского парня.

– Не переживай, Хасанчик, все в порядке. Божьи планы всегда лучше наших. Можешь духовное обновление, – давясь смехом, пробормотал подтянутый Саня Дьяков, еще один российский доброволец, бывший пограничник, не поленившийся приехать на защиту своих убеждений из заснеженной Сибири.

– Вот же сволочи! Я вам припомню!.. – хрипел раненый.

– Как его угораздило? – Стригун с трудом сохранил серьезный вид.

Еще немного, и сам схватился бы за живот.

– Проглядели, товарищ капитан. Наверное, противник с тыла зашел, – сказал тридцатидвухлетний брюнет Николай Семицкий, коллега Антонца по «Беркуту».

Впрочем, службу он проходил в солнечном Крыму.

– Мы в укрытиях находились, оглянуться не успели, а Хасан уже лежит и так душевно выражается.

Ополченцы гоготали уже открыто. Вроде мелочь, а приятно. Сотрудник грозненского ОМОНа Хасан Бакаев не отличался добродушием и покладистостью, хотя и не был в команде изгоем.

– Все, довольно ржать! Отнеситесь к происшествию серьезно. Это все-таки ваш боевой товарищ, – сказал Алексей и спрыгнул на землю. – Будем считать, что потери минимальные. Задание выполнено, двух живых мы из Мурги все-таки вытащили. Через полчаса будем на базе. Вперед!

Глава 2

Перемирие, объявленное в сентябре, нарушалось по сорок раз на день, от Мариуполя до северных районов Луганщины. Обе стороны увлеченно обстреливали друг друга из всех видов оружия, но линия соприкосновения в целом не менялась. В отдельных местах сохранялись даже протяженные нейтральные территории, образованные согласно минским договоренностям. В одних районах они составляли несколько километров в глубину, в других тянулись на десятки верст.

Попытки нарушить статус-кво, конечно, предпринимались. В нейтральные зоны проникали разведывательные группы, контактировали с населением, оставляли или вербовали агентов из местных жителей. Отмечались попытки захвата населенных пунктов на ничейных землях.

Внимание украинских военных привлек поселок Степановка, расположенный между лесными массивами. К западу, в двадцати километрах, располагался городок Реман, где временно дислоцировался отдельный полк специального назначения ВСУ. На востоке, в сорока верстах – райцентр Староброд, где стоял гарнизон ополчения под командованием полковника ВДВ Доревича.

К вечеру усилился ветер, снег повалил густыми хлопьями. Уже темнело, когда на западной окраине Степановки объявились две БМД украинской армии. Солдаты сидели в десантных отсеках и на броне, кутались в воротники утепленных курток, исподлобья поглядывали по сторонам.

Машины встали в начале улицы Луначарского, рядом с разбитой АЗС и сгоревшим двухэтажным баракком. Солдаты соскочили с брони, начали подпрыгивать, чтобы согреться.

– Скоро весна, – пошутил кто-то.

Майор Поперечный холода пока не чувствовал. Все-таки офицерская зимняя форма не идет в сравнение с солдатской. Он разминал ноги в новеньких берцах с войлочным нутром. Камуфляж на пуху практически не продувался.

Начальнику разведки полка Игорю Николаевичу Поперечному недавно исполнилось тридцать восемь. Достаточно рослый, осанистый, всегда выбритый, с вытянутым холемым лицом – ему идеально шла военная форма. В отличие от многих в украинской армии, он находился на своем месте. Немногословный, с пытливыми глазами – его побаивались не только подчиненные, но и кое-кто из начальства. Он не был уперт на тупой палочной дисциплине, но больше всего любил порядок и был крут к тем, кто придерживался иных взглядов. Подчиненные с опаской поговаривали, что не так давно майор собственноручно пристрелил солдата, покинувшего позицию, и при этом даже не изменился в лице.

Майор угрюмо осмотрел западную окраину Степановки. До войны здесь проживали семь тысяч человек. Заурядный поселок, в основном одноэтажный, ближе к центру дома повыше. Главным предприятием тут считался завод металлоконструкций, производивший много чего, от крышек водостоков до фонарных столбов. Но его разбомбили еще в июле, и жизнь застыла.

В августе здесь проходили жаркие сражения. Поселок несколько раз переходил из рук в руки. С каждым боем неповрежденных строений и людей в нем становилось меньше. По сообщениям агентов, на данный момент в Степановке не осталось и десятой части населения. Одни уехали, бросив имущество, другие погибли под бомбежками. Люди жили в подвалах.

Несколько часов назад начальника разведки вызвал к себе командир полка – полковник Гликер Валентин Эдуардович – и поставил задачу. Поселок Степановка – пусть и дыра, но много значит в оперативном плане. Это высота, с которой можно держать под контролем окрестные селения. Если установить там парочку батарей дальнобойной артиллерии, то

для российско-террористических войск настанут трудные времена. Перемирие недолговечно и нужно лишь для того, чтобы подкопить силы для решительного наступления.

Майору надлежало выдвинуться в Степановку, изучить обстановку и, не поднимая шума, обосноваться в поселке. Здание администрации практически целое, в нем можно оборудовать базу. Террористов в Степановке, похоже, нет, но убедиться следует. Выполнить задание и доложить. Пусть начальство решает, что делать с этой выгодной стратегической точкой.

– Бутковский, командуйте, – бросил он офицеру, высунувшемуся из второй машины, поморщился, когда ретивый лейтенант стал орать трубным голосом, созывая бойцов к построению.

Вот так тихая операция!.. Впрочем, бойцами своего подразделения майор был доволен. Пусть не асы военного дела, но вполне подготовленные и мотивированные ребята, не понаслышке знакомые с понятиями «боевые действия» и «дисциплина». Всем далеко за двадцать, кому-то за тридцать, у каждого за плечами два месяца в тренировочном лагере под Житомиром и участие в боевых операциях.

Он хмуро осмотрел строй спецназовцев. Жаловаться на обмундирование и амуницию бойцам не приходилось. Перед выездом всех досыта накормили, выдали сухие пайки. У каждого «АК-74» с пятью запасными магазинами, по комплекту наступательных гранат «РГД-5». На взвод два гранатомета «РПГ-7» с шестью выстрелами, пара одноразовых «Мух». У каждого бойца немецкая портативная радиостанция «Грон», десантные ножи, пистолеты Макарова, снайперские прицелы, приборы ночного видения. В вещмешках имелись даже маскировочные сетки.

– Становись! – скомандовал лейтенант Бутковский.

– Несколько слов, бойцы, – негромко начал Поперечный. – Надеюсь, все уяснили смысл поставленной задачи? Завтра к обеду в этот горем убитый населенный пункт войдут наши части. Задача взвода: обеспечить вступление войск в Степановку. Поселок должен быть зачищен. Обследовать каждую улицу, выставить охранение. Мирных жителей по возможности не трогать. Никому не спать. Машины остаются здесь, движемся пешком, попарно, прикрывая товарищей. Через два часа всем собраться у поселковой администрации. Механикам БМД ждать особого распоряжения. За работу. Слава Украине!

– Героям слава!

– Бутковский, командуйте. И не орите, ради Христа.

Серые призраки скользили по заснеженным улицам, мимо рухнувших стен и палисадов, вырванных с корнями деревьев, остовов сгоревших автомобилей. Стемнело, ветер усилился, дул стремительными порывами, свистел в продуваемых крышах. Косматые тучи, похожие на дирижабли, проплывали над самыми головами.

Электричества в поселке не было, часть столбов повалена, на остальных болтались заиндевевшие провода, показывая направление ветра. Весь поселок состоял из двух улиц, протянувшихся с запада на восток, и множества переулков, связывающих их. Руины завода металлоконструкций возвышались за бетонным забором. Несколько бойцов просочились сквозь проломленную ограду, разошлись по территории. Остальные продолжили движение. Солдаты проходили на участки, где имелись неповрежденные постройки, бегло осматривали дома, подсобные строения.

Поперечному поступали доклады о том, что на заводе ничего подозрительного не отмечено. Осмотрены подвалы разрушенного общежития. Выявлены мирные жители, в основном старики и женщины. Радостных возгласов при появлении родной украинской армии не отмечено, «аборигены» боятся любых вооруженных людей. Проверены развалины поселковой котельной: живых не видели. В Обводном переулке замечена активность.

Несколько гражданских при появлении солдат убежали в дом, а до этого разбирали на дрова сарай. Проведено задержание. Их четверо: двое пожилых мужчин и две молодые жен-

щины – испуганные, страшные, как смертные грехи. Вот и настало время, когда бабам можно не краситься! Уверяют, что не террористы, просят не убивать. Кричат, что являются украинскими патриотами, но как-то не похоже.

– Оставьте их в покое, – проворчал майор в микрофон. – Баб не трогать, выполнять задачу.

В соседнем переулке послышались глухие выстрелы, закричала женщина. Майор ругнулся в полный голос. Что еще?! Он шел последним по улице Луначарского, в одной руке рация, в другой – взведенный пистолет «МР-443» «Грач». Перед ним шагали сержант Бурлак и рядовой Смирнов. Всполошились, побежали на шум.

Поперечный тоже кинулся за ними – до переулка было метров пятьдесят. Он проглядел канаву водостока, засыпанную снегом, и утонул по пояс, как в болоте. Выбирался, ругаясь, набирая полные берцы снега. Когда успело так засыпать?

Стреляли в неприметной хате, просевшей в землю. Похоже, в переулке уцелела лишь она. Майор ворвался в дом последним. Снова подчиненные перестарались, когда же меру начнут знать?!

Здесь жили люди, горела керосиновая лампа. Попыхивала печка, дырявые окна были заткнуты одеялами и телогрейками. Толпились солдаты.

На полу, раскинув руки, лежал молодой мужчина в ватных штанах и замшевой жилетке. Мертвец, грудь прошило автоматной очередью. Он сжимал рукоятку ржавого топора. На коленях перед покойным ползала молодая женщина с сальными волосами, плакала. У стены съжились, обняв друг друга, две пенсионерки, одетые в какую-то рванину, то ли сумасшедшие, то ли в ступоре. Их лица ничего не выражали, были бледны и неподвижны.

– Зачем вы?.. – спросила молодая женщина, глотая слезы. – Что он вам сделал? Сереженька мой!..

– Ага, каемся. Вообще плачем, – заявил рыжий сержант Шинкарь, на всякий случай отходя от нее подальше.

Он до сих пор сжимал автомат. Его палец подрагивал на спусковом крючке.

– Почему стреляли? – задал вопрос Поперечный.

– Так, товарищ майор... – Шинкарь немного растерялся. – Я вхожу, а он на меня с топором! И что, целоваться с ним?

– Может, он дров наколоть хотел? – сказал Смирнов.

– Каких дров, это же террорист! – возмутился Шинкарь. – Все они тут такие! – Он вскинул автомат и чуть было не выстрелил в пенсионерок.

Рядовой Середин толкнул его в плечо, чтобы не делал дополнительных глупостей. Шинкаря схватили за хлястик, оттащили с «огневой позиции».

– Сам ты террорист, – пробормотал Черновский.

– Хватит! – прикрикнул Поперечный. – Вон отсюда! Продолжайте выполнять задачу!

Он не был сторонником бессмысленных убийств. Но идет война, солдат обязан защищать свою жизнь, особенно когда на него бросаются с топором сомнительные личности. Бойцы неохотно покидали хату. У большинства сложилось стойкое мнение, что они чего-то недоделали.

Молодая женщина затихла, скорчилась на груди у мертвеца. Одна из пенсионерок подняла голову, уставилась на майора осмысленным взором. Он еще не ушел, пятился за порог. Взгляд прожег его. Было в нем что-то недоброе, фатальное. Женщина смотрела не мигая, исподлобья, пронзительно. Шевелились губы, но он не слышал, что она говорила. Такое ощущение, эта старая карга проклинала его. Поперечный отступал, не мог оторвать от нее глаз – она словно приклеила его к себе.

Сработала рация:

– Это Андрейченко. Мы вышли на восточную окраину Степановки.

– Чем порадуете? – проворчал майор, отступая в сени.

– Все спокойно, террористов нет и, кажется, не было. Что делать дальше?

– С этим городишком все понятно. Возвращайтесь к зданию администрации. Общий сбор через пятнадцать минут.

– Есть!

В Октябрьском переулке, недалеко от поселковой администрации уцелели несколько хат. В одну из них с автоматом наперевес вошел украинский солдат. Он хмуро посмотрел на нехитрую меблировку, старика в потертом свитере, сидящего за столом. Мужчине было за шестьдесят. Невысокий, с редкими седыми волосами, острым морщинистым лицом, по которому плавали блики от зажженной свечи. Появление солдата не произвело эффекта. Мужчина продолжал сидеть, только повернул голову. Боец заглянул в соседнюю комнату, посмотрел на чердачную лестницу, явно не испытывая желания лезть наверх.

– Кто такой?

– Живу здесь, – с хрипотцой отозвался старик. – Воловец Матвей Фомич. Работал бригадиром монтажников на заводе.

– Документы!

Старик вздохнул, выбрался из-за стола, побрел к вешалке, где висело одинокое пальто с меховой подкладкой, извлек украинский паспорт. Солдат пролистал документ, сравнил фото с оригиналом. Воловец Матвей Фомич, сорок восьмого года рождения, место проживания – поселок Степановка Луганской области, переулок Октябрьский.

Боец смерил старика неприязненным взглядом, вернул документ и заявил:

– Ладно, дед. Сиди дома и никуда не выходи, уяснил?

– Да куда мне выходить? Ноги почти не ходят. – Он тяжелой поступью добрался до стола, снова сел.

Хлопнула дверь в сенях, боец убрался. Старик слышал, как на улице смеялись его товарищи. Парни замерзли, прыгали, чтобы согреться.

Несколько минут дед сидел неподвижно, прислушиваясь к уличным звукам. Донесся рев моторов. Старику стало любопытно. Он добрался до окна, подволакивая ногу, отогнул шторку.

Из переулка просматривался небольшой участок улицы. По ней в сторону центра проследовали две громоздкие машины. Старик продолжал стоять, вслушивался. Гул отступил, а потом вдруг оборвался. Боевая техника где-то встала.

Старик задумался, надел пальто, сапоги, покинул дом, вышел за калитку и снова прислушался. Соседей не было – все, кто только мог, давно уехали. Дед заковылял по улице, проявляя похвальную для своего возраста сноровку. Вскоре он уже семенил вдоль дороги, выходящей к зданию поселковой администрации, с трудом пролез через поваленный забор, добрался до бетонных блоков рядом с траншеей, вырытой еще весной, и укрылся за ними.

Ветер забирался за воротник, колючий снег сыпал почти горизонтально, но старик не обращал на это внимания. У крыльца одноэтажного здания стояли две БМД, в свете фар возились люди. Они затаскивали что-то в здание. Офицер отдал команду. Двое солдат забросили автоматы за спину и отправились в обход здания. Силуэты часовых колыхались в морозном воздухе.

На зрение старик не жаловался, отчетливо различал украинскую символику на бортах и солдатской униформе. Несколько минут он сидел неподвижно, вникая в ситуацию. Мужчина не был профаном в военном деле. Он прекрасно видел, как экипированы и вооружены солдаты. Покидать Степановку они не собирались, напротив, решили тут задержаться. По иронии судьбы здание администрации почти не пострадало от обстрелов. Только в левом крыле были выбиты окна, и в нескольких местах пострадала кладка.

Ничего хорошего в происходящем старик не обнаружил. Украинских военнослужащих было около двух десятков. Он пополз обратно, срезал путь через чужой огород и поднялся к себе на крыльцо. В доме было натоплено, он с облегчением стащил с себя пальто, расслабился.

Дед почти не надеялся, что в телефоне, спрятанном под половицей, еще теплится жизнь. Сын, воюющий в ополчении, навещал отца десять дней назад. Уговаривал переехать в Староброд, но Матвей Фомич даже слушать не хотел. Спорить с упрямым было бесполезно. Сын передал отцу старенький мобильный телефон и сказал, что у него отличный аккумулятор. В режиме ожидания работает почти две недели.

А ведь Димка оказался прав. Зарядка еще не иссякла! Одна «палочка» осталась. Номер сына он помнил наизусть, отстучал его, стал слушать с замиранием сердца и испытал огромное облегчение, услышав ответ.

– Димка, Димка!.. – срывающимся голосом забубнил старик. – Это я, батя твой. Слышишь меня?

Дмитрий Матвеевич Воловец – помощник начальника штаба Старобродского гарнизона – тоже волновался. Отец звонил в последний раз четыре дня назад. Все было тихо. Батя конопатил щели в доме, готовился к зиме. Ни обстрелов, ни бомбежек. Кого обстреливать-то – трех калек и десяток пенсионеров, закопавшихся в норы? Степановка, какая ни есть, а нейтральная территория.

Старик частил, проглатывал слова, но постепенно ситуация прояснилась.

– Сколько их, батя? – Дмитрий выслушал ответ, поморщился.

Не хватало еще этой проблемы! Обещанных резервов нет, разбитую технику не успевают ремонтировать. Неужели силовики решатся нарушить перемирие и перейти в наступление? Впрочем, что в этом удивительного?

– Понял, батя, спасибо. Все передам куда следует. Больше не рискуй, понял? Сиди дома, запишись, в погреб спрячься – чтобы носа твоего на улице не было. А то приеду и устрою тебе такую взбучку, какой ты еще не видел!

Он выключил телефон и изумленно уставился на него. Есть еще связь с отдаленными поселениями Луганщины. Чудеса, да и только!..

Он не стал осмысливать информацию, переданную отцом, натянул укороченный полушубок, надел ботинки и отправился на доклад к подполковнику запаса Зимакову. Благо штаб стрелкового батальона располагался в этом же здании на втором этаже.

Через двадцать минут в дверь с табличкой «Директор средней школы № 2» решительно постучали.

– Входи уж, – ворчливо отозвался кто-то.

В кабинет вошел мужчина в защитном, бледноватый, среднего роста, с воспаленными от недосыпания глазами. Никакого директора внутри не было. Занятия в школе еще не начались. Возникали большие сомнения в том, что в этом году они вообще начнутся. В помещениях храма знаний располагался штаб полковника Доревича, начальника Старобродского гарнизона.

От Дома культуры до средней школы № 2 было рукой подать. Полковник Доревич недавно вернулся с совещания, на котором учинял разнос подчиненным, и еще не успокоился. Длинный, как водонапорная башня, лысоватый, с выпуклыми глазами, он сидел на жесткой кушетке, вертел в руке пульт дистанционного управления и брезгливо таранился в телевизор.

Вещал украинский канал. Проходило бурное собрание Верховной Рады. Депутат с трибуны потрясал кулаком, клеймил проклятых террористов и их российских хозяев.

– Наслаждаешься, Василий Сергеевич? – Подполковник Зимаков усмехнулся. – Смотри-ка! – удивился он. – Этого горлопана уже вытащили из мусорного бака?

– Его туда еще не посадили, – отмахнулся Доревич и приглушил звук. – В интересное время живем, Александр Григорьевич. Вспомни, два года назад главной новостью был грядущий конец света. Замечательное было время. А что сейчас? Представляешь, что отмочили эти избранники? Полная экономическая блокада Донбасса, никаких финансовых перечислений – пенсий, зарплата бюджетникам. Как хотите, так и крутитесь. А то, что люди десятилетиями платили налоги Киеву, – это никого не волнует.

– Согласен, Василий Сергеевич. Восторжествовала историческая несправедливость. – Комбат с интересом уставился на полковника, который извлек из тумбочки початую бутылку горилки, пустой стакан, после чего перехватил взгляд Зимакова.

– Плеснуть каплю?

– Плесни, Василий Сергеевич, – согласился комбат. – Надеюсь, небеса не разверзнутся, и ночью воевать не придется. Во всяком случае, нам с тобой. Слушай, тут такая проблема. Не стал по телефону...

– Докладывай. – Полковник нахмурил брови и отставил бутылку. – Мог бы сразу сказать, что по делу.

Он хмуро слушал, барабанил пальцем по подлокотнику кушетки, потом недоверчиво помотал головой и сказал:

– Испорченный телефон какой-то. Старик что-то увидел, сообщил сыну, тот – тебе, ты – мне. Но я понял тебя, Александр Сергеевич. Давно имелось беспокойство по поводу этой Степановки. Уж больно лакомая позиция для установки дальнобойной артиллерии. Может, заблудились хохлы? – Он с надеждой глянул на заместителя, поджавшего губы. – Случайно забрели в Степановку, утром уедут?

Комбат сухо проговорил:

– Черта с два они заблудились, Александр Сергеевич. Замышляют что-то укрупы. Это разведывательный взвод. А завтра в Степановке нарисуеться полноценное войско, и хрен ты его сотрешь.

– Да понял уже, что не случай их туда привел. – Доревич поднялся, погрузил руки в карманы, принялся широким шагом мерить директорский кабинет, потом остановился, уставился на комбата. – Кто у тебя из толковых остался? Не всех повыбили? Надеюсь, понимаешь, Александр Григорьевич, что требуется полноценный спецназ? Этот, как его... – Доревич защелкал пальцами.

– «Этот, как его» сегодня вернулся с задания, Василий Сергеевич, – заявил Зимаков. – Капитан Стригун. В Мурге на двух БМП навел небольшой шмон. Задание выполнил, отделался одним раненым. Сейчас спит с чувством выполненного долга.

– Так разбуди, – сказал полковник. – И на новое задание с тем же чувством. А если без шуток, Александр Григорьевич, то дело серьезное. Шума не надо, хватит одной БМП. Надо незаметно подобраться к противнику, без особого шума ликвидировать группу, взять пару языков – желательно офицеров – и хотя бы одну БМД. Утром вернуться. Операцию провести быстро, чтобы укры не успели сообщить в Реман, что подверглись нападению.

– Но если противник поймет, что их разведку ликвидировали... – задумчиво начал Зимаков.

– Конечно, поймет и не полезет на рожон, очертя голову. Выполняйте, Александр Григорьевич! Поднимайте свой сонный спецназ. И давайте без рекламы. О предстоящей операции должен знать только узкий круг лиц.

– Галка, ты супер! – Алексей в изнеможении застыл на спине.

Этой сексапильной чертовке с блестящими в темноте глазами удалось сделать с ним то, что не вышло у украинцев – убить целиком и полностью. Кушетка, застеленная стареньким бельем, промокла от пота. Сердце колотилось как паровой молот.

– Да, я супер, а еще умею классно делать уколы, – прошептала Галка, тридцатитрех-летняя медсестра из стационарного госпиталя, работающего на базе единственной городской больницы.

В отличие от Алексея, тяжелый день уморил ее не полностью. Она улеглась на него и уставилась с таким выражением, как будто он что-то не завершил.

«Нет! – мысленно взмолился Алексей. – Больше не могу, завтра война, завтра в поход!»

Он приходил к ней почти каждую ночь, если, конечно, служба позволяла. Бывшая процедурная, переделанная в комнату отдыха медперсонала, превращалась в гнездо любовных утех. При желании Галка могла найти кого угодно, с ее внешностью это не было проблемой, но почему-то запала на капитана Стригуна. Да и его тянуло к этой смешливой темноволосой женщине с блестящими глазами, за которой до Алексея без успеха увивался чуть не весь батальон, включая командование.

– Может, поженимся после победы? – однажды предложил он Галке.

Та задумалась, нервно рассмеялась, затем заплакала, потом со злостью проговорила:

– Знаешь, Стригун, тебя никто за язык не тянул. Сам сказал, я тебя не вынуждала. Хорошо, будем ждать победы. А после бракосочетаемся на развалинах президентской администрации в граде Киеве. Но вдруг тебя убьют или ты еще каким-то образом меня кинешь?

– Хорошо, – сконфуженно сказал Алексей. – Постараюсь не обмануть твоих надежд.

Всем хотелось, чтобы перемирие оказалось настоящим, пусть и постоянно нарушаемым, чтобы в «мудрые» киевские головы не долбанула еще какая-нибудь дурь. Самое время остановиться тем и этим, порешать вопросы не на поле брани, а за столом переговоров.

Иногда в спокойные ночные часы в душу Алексея вкрадывалась надежда. А вдруг так и будет? Пусть хоть эта ночь пройдет спокойно!

Но телефонный звонок на самом интересном месте загубил всю надежду. В кармане брюк, брошенных на полу, забился ритм, особенно актуальный в этом сезоне: «Марш-марш левой! Марш-марш правой!»

– Не отвечай, Леша, пожалуйста, – взмолилась Галка и с обреченной миной поняла, что говорить он будет.

Долгие секунды ушли на то, чтобы извлечь аппарат из скомканных штанов.

– Зимаков, – услышал он. – Есть тема, Алексей. Быстро задницу в руки и сюда. Извинись за меня перед женщиной.

– Бойцов поднимать, товарищ подполковник? – обреченно спросил Стригун.

– Всех, – отозвался комбат и отключил связь.

Перемирие, похоже, выходило на новый уровень. Эх, батяня, чтоб ты провалился! Настроение вдруг резко упало. Но время еще детское, половина одиннадцатого. Мало ли по какой нужде он понадобился комбату.

Галка заволновалась, обняла его сзади, прижалась. Трудно облачаться в форму бойца непризнанной республики и целовать при этом женщину.

– Ты куда? – пробормотала Галка. – Ведь пришел совсем недавно. Будь проклято это твое начальство! Что ему нужно?

– Успокойся, Галка, это ненадолго. – Он поцеловал ее в спутанные волосы. – Скоро вернусь, и продолжим.

– Обещаешь?

– Клянусь. Успокойся, детка, война кончилась, все позади.

– Точно? – Она шмыгнула носом. – Хорошо, Алеша, приходи скорее, буду ждать. – Женщина нерешительно улыбнулась. – Вся такая в долгаче габбана.

Глава 3

Ночь была безлунной, тьма накрыла запад Луганщины. Ветер надрывался порывами, гнал на восток тучи. Боевая машина пехоты двигалась зигзагами, с погашенными фарами, держалась кромки леса. С дороги она давно ушла, в чистом поле были бы бельмом на глазу. Механик-водитель Гавава пыхтел от огорчения, но был вынужден идти на минимальной скорости. Иначе нельзя, кругом сплошные буераки. Уже сорок минут разведгруппа находилась в пути.

Приказ идти на одной БМП имел свои резоны, но в плане комфорта это было полной засадой. В десантном отсеке помещалось лишь одно отделение, остальным приходилось сидеть на броне и бороться со щетинистым ветром и колючим снегом.

В тесном отсеке горела тусклая лампочка. Бойцы первой подгруппы сидели на жестких лавках и подпрыгивали в такт движению, все насупленные, с опухшими лицами. Оделись как на северный полюс – свитера, ватники, штаны с мощным утеплителем. Приказ Алексея обуться в валенки встретили с легким ступором, но не роптали. Бегать можно и в этой обуви, по льду не скользишь, прогноз отнюдь не весенний, зато какой комфорт натруженным ногам!

Люди молчали. Слипались глаза. Заразительно зевал Андрюха Левин, натянувший на себя кучу тряпья.

Фрол Антонец закашлялся и хрипло проговорил:

– Проклятая эбола!..

Левин поперхнулся, на всякий случай отодвинулся от соседа подальше. Бывший артист Гуляев закутался в махровый шарф, застыл, наглядно демонстрируя, что все тела стремятся к состоянию покоя.

Неподвижно смотрел в одну точку Ян Шанько. Этот парень перестал бриться, обрастал свинцовой щетиной, ни на что не реагировал. С каждым днем он все глубже погружался в себя, жил воспоминаниями, что не мешало ему выполнять служебные обязанности.

Стригун начинал беспокоиться за психическое состояние бойца, но не знал, как к нему подступить. Да и нужно ли это делать?

Заворочался Котенко, разлепил глаза, обвел ими вибрирующее пространство. У него был вид человека, разучившегося спать.

– Чего такой опухший, Аким? – спросил Левин.

– Не знаю. – Котенко пожал плечами.

– Почему так тащимся? – пробубнил Антонец. – Товарищ капитан, мы же не едем, а на месте стоим. Я сейчас, ей-богу, усну.

– А что, уже опаздываем? – спросил из отсека управления Гавава. – Не, мужики, не надо опаздывать раньше времени.

Алексей молчал. Он припал к амбразуре, смотрел, как проплывает мимо БМП иглистый лесной массив.

Наверху что-то загремело, послышался возмущенный крик, кто-то замолотил кулаком по броне. Гавава чертыхнулся, остановил машину. Живописная ругань раздавалась на фоне дружного гогота.

– Все в порядке, мужики! – крикнул прапорщик Кульчий. – Это Махецкий с брони сверзился! Нормальная ситуация.

– Жить будет? – крикнул Алексей.

– Он еще нас переживет. – Гогот усилился, за ним последовала «защитная реакция» неугомонного Ваньки Махецкого в виде отборной ругани.

Машина тронулась, стала набирать скорость.

– Вот ведь шепутной! – Алексей покачал головой, сдерживая смех. – Не может сидеть спокойно, так и норовит куда-то влезть.

– Точно, – проворчал Гуляев, выходя из оцепенения. – У этого баламута в башке, как в Киеве. Президент вроде есть, а реальная власть у тараканов.

Загоготали Антонец с Левиным. Ухмыльнулся Алексей. Чуть осветилось обрюзгшее серое лицо Акима Котенко. Шанько вышел из ступора, покрепче обнял автомат и закрыл глаза.

– Достали эти суки в Киеве, – развивал тему Антонец. – Демократы, блин! Весь Восток в руинах лежит, а они все успокоиться не могут, мало им...

– Ну да, – согласился Алексей. – Демократия на Украине торжествует, но как-то злобно. Будут нас месить до полной ее победы. Сейчас силенок подкопят и снова в бой. Ходят слухи, что Штаты обработали своих союзников по НАТО, бывших когда-то в Варшавском договоре. Те начинают расконсервировать свои склады с советским вооружением – танками, САУ, прочей бронетехникой. Вроде Польша уже отправила хохлам первые эшелоны.

– А они и рады, – заявил Антонец. – Оружие хоть и старое, но знакомое. На фига им новейшее импортное? Это ж надо инструкторов нанимать, учить бестолковых украинских хлопцев, следить, чтобы вояки из НАТО в плен к нам не попали. Кучу бабок можно сэкономить. А тут зима так некстати. Бойцов надо одевать, кормить.

– Псаки намедни ляпнула, мол, если в Украине, не дай бог, наступит зима, то США введут очередные жесткие санкции против России, – выдал Гуляев.

– Так и ляпнула? – изумился, не въехав в фишку, Левин и разочарованно поджал губы, когда Гуляев разразился смехом.

– Гоша, тормози, местами меняемся, – спохватился Стригун, глянув на часы.

Разведгруппа находилась в пути пятьдесят минут. Парни на броне окончательно заледенели, пусть погрееются. Бойцы недовольно загудели, подумаешь, какие неженки, но делать нечего, стали застегиваться.

БМП стояла у сумрачной опушки. Первое отделение выбралось наружу, под пронизывающий ветер. Замерзшие соратники скатились с брони, пошли к открытому люку.

– Вообще не понимаю, тварь я дрожащая или плохо оделся? – Бывший российский пограничник Дьяков стучал зубами, отталкивая Левина, замешкавшегося в люке. – Да иди ты отсюда, Андрюха!

– Куда же я уйду? – Левин поежился.

– В закат, блин!

– Я тоже не пойму, мы мерзнем или закаливаемся? – пробормотал «переквалифицировавшийся» сотрудник автоинспекции Архипов. – Спасибо вам огромное, товарищ капитан, сжалились, не забыли своих. Теперь посидите на броне, почувствуете, что это такое.

Возбужденные бойцы карабкались в десантный отсек. Чубатый Махецкий с матерками пошучивал насчет горохового супа с чесноком. Прапорщик Кульчий поторапливал своих парней, подталкивал тормозящих Семицкого, Бобрика.

БМП снова покатила через ночь вдоль заснеженного поля, ныряла в борозды, выбиралась из них с простуженным рычанием. На броне, под ветром и снегом, валяющим с небес, было крайне тоскливо. Поземка закручивалась в спирали. Ветер выдувал снег с открытых мест, он скапливался в бороздах и низинах. Ополченцы ежились, прятали лица от колючих снежинок, прижимались друг к дружке. Похоже, все они не раз мысленно поблагодарили Алексея за валенки.

– Охренеть! – пробормотал Левин, опуская уши у шапки. – Повесть Гоголя можно писать – «Метель».

– Пушкина, – машинально поправил Гуляев.

– Серьезно? – изумился Левин.

– Зуб даю, – поклялся Гуляев.

– Да хоть Тургенева, – проворчал Антонец, перебираясь поближе к башне, за которой не так дуло. – Мужики, расскажите что-нибудь, а то тоска зверская, отвлечься бы как-нибудь.

– А вот помню, служил я в непобедимой и легендарной, – проговорил скукожившийся Гуляев. – В караульной роте. Это как раз на закате советской власти было. Везли мы из Гродно в пригородный поселок, где стояла часть, секретный груз. Вагон с ним и теплушку с нами прицепили к грузовому составу. Холод был адский. Моя очередь на пост заступать. Стою на тормозной площадке, охраняю груз, поезд катит без остановки. За десять минут в ледышку превратился. А как меня заменить? Это же поезд надо останавливать. Ведь теплушка с тормозной площадкой никак не смыкаются. Первые полчаса еще выдержал. Потом помирать начал – спрятаться негде, поезд несется, лютый ветер. Сперва подпрыгивал, руки растирал. Да толку никакого. Шинелька тоненькая, перчатки дохлые, портянки хоть и с ворсом, но не спасают. И такое отчаяние, мужики, в душе – хоть под откос прыгай. Да и броситься нельзя, расшибешься на такой скорости. Автомат на пол положил, сверху лег, свернулся, как зародыш. И так минут сорок. Поначалу трясся от холода, а потом фиолетово стало, чувствую, конечности отмерли, уже и не мерзну, сознание еле теплится. Хорошо, что организм был молодой, выдержал. Почти не помню, как поезд к станции подошел. Меня сослуживцы стащили, в теплушку отволокли. У печки положили, чаем отпаивали. Ничего, оклемался, даже последствий не было. Только первые несколько дней передвигался как на ходулях – ноги деревянными стали.

– Хорошая история. Очень успокаивает, – зло пробубнил Антонец. – Именно это мы и хотели услышать. Лучше заткнись, Гуляев.

– Хочешь поговорить о Боге? – осведомился Левин.

– Нет.

– Хорошо, я так Ему и передам, – сообщил Левин утробным голосом.

Бойцы вяло усмехнулись. Антонец судорожно полез под бушлат, извлек мятую сигаретную пачку. Зажигалка упорно не срабатывала, лишь высекала искру. Антонец ругался. Аким Котенко прикурил, сунул товарищу исправную зажигалку. Тот что-то буркнул и задымил.

– Охренели, бойцы? – вяло возмутился Стригун. – Вам что тут, курилка?

– Не обижайте курящих, Алексей Михайлович. – Левин усмехнулся. – Им и так жить недолго.

– Сплюнь, ворона! – пробормотал, затягиваясь, Антонец, надрывно закашлялся и выронил сигарету.

Около часа ночи подразделение подошло к восточной окраине Степановки. Машина осталась в перелеске, несколько человек спрыгнули с брони и растянулись в цепь.

Алексей осматривал объект бинокль, чувствуя какое-то странное волнение. Восточная околица практически полностью разрушена. Вздымались заснеженные бугорки уцелевших строений, просматривались сарай, вереница металлических гаражей, вынесенных за пределы жилой зоны. Местность в этом районе была неровной – покатые лощины, косогоры, островки кустарника, кое-где сохранившие жухлую, свернувшуюся в трубочки листву. Виднелась свалка, припорошенная снегом.

Алексей привстал, подал знак. Перебежали Шанько с Гуляевым, нырнули в лощину и вскоре выбрались из нее в районе свалки.

«Хоть согреются мужики», – подумал Стригун.

Он не чувствовал холода. В душе угнездилась безотчетная тревога, хотя интуиция настаивала, что засады в данном районе нет.

Шанько подтвердил это круговым вращением руки. Дозор уже был у крайних домов. Гуляев заполз в переулочек, откуда вынырнул и тоже махнул. Дескать, добро пожаловать в сказку.

Бойцы отделения перебежали друг за другом, стараясь не греметь снаряжением. Живые бугорки смещались, пропадали в лощине. Алексей выполз между гаражами и свалкой, разброшенной по пространству.

Окраины маленьких городков здесь точно такие же, как и в России. Вместо парков – обширные мусорные залежи и хозяйственные постройки, вместо садов – полная неухоженность, голая земля, в летнее время зарастающая бурьяном.

До ближайшего переулка было метров семьдесят, въезд в него обозначали надломившийся столб электропередачи и вывернутая наизнанку трансформаторная будка. Съезились, застыли дома за поваленными оградами. В стенах зияли прорехи, валялись груды строительного мусора. На месте сгоревшего частного дома остались черные стены и закопченная свечка дымохода.

Недалеко от капитана валялась мертвая собака с оскаленной пастью. Он прополз мимо нее, поднялся, пригнулся и припустил к переулку. Впереди маячил Гуляев, который будто бы пытался окопаться под плетнем.

– Это Артист, командир, – сообщил он в рацию. – Чисто, никого нет.

– Продолжай наблюдать.

Ополченцы рассредоточивались по окраине. Перебежал и залег Антонец. В кустах укрылся Аким Котенко. За металлическими гаражами стоял еще один, небольшой кирпичный. Кладка на западной стороне выглядела неповрежденной, но с другой стороны были выбиты ворота.

– Лева, осмотри капитальный гараж, – приказал Алексей. – Он у тебя перед носом.

– Слушаюсь, командир, – отозвался Левин, выбираясь из оврага и припуская к объекту.

Он отчитался через несколько минут:

– Чисто, командир. Из автотранспорта – одна «Волга» без колес. Подозреваю, она тут с сотворения мира стоит.

– Подъехать можно?

– А это смотря на чем, командир. На нашем корыте можно, а вот на спортивном болиде...

Стригун переключил канал:

– Гавава?

– Весь внимание, командир, – с неподражаемым акцентом отозвался механик.

– Капитальный гараж слева от свалки. Фары не включать. Тащите в него свои задницы.

Три минуты.

Он убедился в том, что от леса отделяется характерное пятно, переключил радиостанцию на режим «конференции» и скомандовал:

– Первому отделению – оцепить восточную окраину. Дистанция между бойцами – семьдесят метров. Малым ходом – вперед! Углубиться в кварталы на сто – сто пятьдесят метров. Тщательный осмотр.

Алексей отошел обратно к гаражу, а пять фигур пропали за домами.

Через четверть часа Стригун выслушал доклады и отозвал бойцов обратно. Котенко остался снаружи наблюдать за местностью. Было около двух часов ночи. БМП загнали в гараж, где имела масса свободного пространства. Внутри было сухо, просторно. Очевидно, гараж принадлежал какому-то предприятию. Он не был разбит на боксы. «Волга» без колес на фоне хаоса, окружающего ее, смотрелась нормально.

– Строиться по отделениям!

– А мы с Лопаревым? – осведомился Гавава, высунувшись из люка.

– А вы мне не нужны, – отмахнулся Алексей. – Сидите там и слушайте. Двигатель не врубать, даже если очень захочется.

Он всмотрелся в хмурые лица бойцов, еле сдерживающих зевоту. Никто не обморозился, все целы. Но настроение так себе. Даже балагур Махецкий после падения с БМП сделался мрачным и задумчивым. На лицах ополченцев тени, превращающие их в какие-то страшноватые маски. Они угрюмо тарасились на командира, резонно догадываясь, что ничего хорошего он им не скажет.

– До места добрались, – приглушенно объявил Алексей. – Половину дела сделали. Остался пустяк. По имеющимся сведениям, в Степановке обосновалась разведывательная группа неприятеля численностью от полутора до двух десятков рыл. Атаки они не ждут, в противном случае выставили бы заслон в том месте, где мы сейчас находимся. По разведанным, группа остановилась в здании поселковой администрации. Наша задача – без шума ликвидировать противника, взять живыми офицеров, забрать неприятельский автотранспорт и без потерь вернуться на базу. Акцентирую ваше внимание на словосочетании «без потерь». Действовать осторожно и аккуратно! Ты услышал меня, Махецкий?

– А что сразу я-то? – обиделся молодой ополченец.

– Ладно, помолчи. Кульчий, Бобрик, Архипов, Шанько – выдвигаетесь в поселок. Выключить телефоны, пользоваться только рациями. Задача: обследовать восточную часть населенного пункта и выявить противника, его местоположение, численность, посты. Если это здание администрации, то информация должна быть расширена. План здания, входы, выходы, в общем, не мне вас учить. На рожон не лезть, без самодеятельности, никаких трупов до особого распоряжения. Постарайтесь остаться незамеченными. У вас час. Если через это время разведка не вернется...

– Значит, все пропало, – заявил Махецкий.

– Командир, по поселку ходят стаи бродячих собак, – подал бесцветный голос Шанько. – Думаю, у них проблемы насчет пожрать. Мы слышали, как они лают где-то в центре. Псины нас почуют.

– И что теперь? – Стригун нахмурился. – Валишь обратно? Выкручивайтесь, ребята, вы все-таки спецназ.

– Хорошо. – Шанько кивнул.

– Упомянутые – на выход! – Алексей выразительно качнул головой. Четверо удалились.

Ванька Махецкий гулко пробухтел:

– Мужики, водку на всех берите!

– Гуляев, Семицкий! – продолжал Алексей, грозно глядя на Ивана. – Марш в дозор, усилить Котенко. И никакого сна, не забывайте – мы на территории, занятой противником. Это не новобранцы. Левин, Антонец, Дьяков да, собственно, и ты, Махецкий, заступаете через полчаса. Пока можете отдыхать.

Поселок действительно напоминал мрачноватую зимнюю сказку. Небо потемнело до упора, фиолетовые тучи ворочались, перетекали с места на место словно клубы дыма. Снег валил, как в новогоднюю ночь, но, увы, не мягкими пушистыми хлопьями, накапливался над стрехами зданий, нависал живописными каскадами, покрыл все крыши, заборы. Через день-другой он мог растаять, полностью сойти на нет, но в эту ночь казалось, что это всерьез и надолго.

По улицам и переулкам разгуливал ветер, тряс обломки кровли, гонял мусор, утробно завывал в дырах и обгорелых дымоходах. Спираль поземки носилась по проезжей части. Зыбкие тени скользили в морозном воздухе, иногда останавливались, замирали.

В поселке оставались мирные жители. Их было немного, они предпочитали прятаться в подвалах, и только суровая надобность выгоняла их на улицу. Минуту назад мужчина в расстегнутом пуховике набивал снегом ведра. Он выбрался из подвала, хотел спуститься туда же, поднял голову и обнаружил, что вдоль забора кто-то крадется. Оба встали как вкопанные.

«Человек с ружьем» мысленно чертыхнулся. Встреча с мирным населением не входила в его планы. Они не видели лиц друг друга, только силуэты колебались в ночном воздухе.

– Стоять, ни с места! – глухо вымолвил на чистом украинском Степан Бобрик, уроженец Владивостока.

Его мама была украинкой, поэтому он в детстве наслушался и говорил без акцента. Пришлось выкручиваться. Не убивать же этого испуганного гражданского.

– Не стреляйте, пожалуйста, я не террорист, – дрожащим голосом произнес мужчина, и ведро со снегом выпало из ослабевшей руки. – У меня в подвале старенькая мама, больная жена. Мы не замыслием ничего плохого.

«Да верю я тебе, – сконфуженно подумал Бобрик. – Какого хрена ты тут возник, дурачина?»

Он для проформы поднял автомат. Мужчина дернулся, но никуда не побежал, не хотел становиться «быстрым и мертвым». Бобрик подумал и опустил ствол.

– Ладно, мужик, иди в хату. Террористов тут уже не будет. Ты находишься под защитой спецназа украинской армии. Спрячься в подвале и не выходи.

– Да, я понял, спасибо, – пробормотал мужчина и попятился, забыв про свои ведра.

– Чужих тут не видел?

– Нет, никого не видел.

– Добро, исчезни!

Мужчина, топя кирзачами, припустил в дом. Бобрик раздраженно поморщился. Ладно, этот тип хотя бы не побежит к украинским воякам докладывать о появлении ополченцев.

Бобрик пригнулся, двинулся дальше и через пару минут догнал Архипова. Тот стоял, прижавшись к забору и приложив палец к губам – мол, слушай. Оба затаили дыхание и сквозь порывы ветра различили отдаленный гул мотора. Звук не отступал и не приближался. Машина с включенным двигателем стояла на месте. До поселковой администрации оставалось чуть больше квартала. Похоже, информация о наличии противника подтверждалась.

Шанько на параллельной улице почувствовал, как волосы под шапкой вдруг начали шевелиться. Много дней он не чувствовал страха, был равнодушен к любой опасности и плевать хотел на смерть. Вдруг что-то сжало грудь, дышать стало трудно. Он сделал попытку глубоко вздохнуть, расставил ноги, услышал зловещее урчание и понял, что сейчас произойдет.

Из-за приземистой сараюшки, покоящейся на стопках кирпичей, медленно вышла здоровенная оборванная собака. Она утробно урчала. Глаза поблескивали, как у голодного волка. По сути, это и был волк, много дней не видевший нормальной еды и готовый на все. Собака расставила лапы, опустила голову, смотрела жадно, без отрыва.

Шанько застыл. Стрелять он не хотел. Одной очередью можно провалить всю операцию. Правая рука поползла к верхней пуговице бушлата. Зверь зарычал громче, пока еще не бросался, оценивал шансы, но уже дрожал от нетерпения, скалилась пасть, шерсть поднималась дыбом. Пальцы плавно расстегнули пуговицу, нащупали рукоятку «стечкина», на ствол которого был предусмотрительно намернут глушитель. Ян давненько так не волновался.

Из-под днища сарая выползла еще одна собака, за ней другая – такие же страшные, некормленные, бывшие друзья человека. К ним присоединилась еще одна парочка. Теперь они рычали всей компанией, пока не подходили, набирались коллективной смелости. Голод не тетка, долго ждать не заставит. Стоит только отступить, показать свою слабость...

Шанько выстрелил дважды, почти не целясь. В прежние годы он был инструктором по стрельбе на Воронцовском полигоне, именно там и познакомился со своей невестой, так и не ставшей его женой.

У первой псины подкосились все лапы одновременно, она повалилась с раскрытым черепом. Вторую пуля ударила по самой макушке. Она упала, завертелась, жалобно скуля, и замерла с распахнутой пастью.

Остальные прижали уши, попятись. Они продолжали злобно рычать. Раздался третий хлопок. Псина со скатанной палевой шерстью, уже собравшаяся броситься в атаку, уткнулась мордой в снег. Остальные пустились наутек, решив не испытывать судьбу. Беспорядочный лай огласил заснеженную улицу.

За спиной Шанько раздался шорох. Он стремительно повернулся и чуть не отправил в райские кущи прапорщика Кульчия! Ян вскинул ствол в небо, шумно перевел дыхание.

– Развлекаемся? – вникнув в тему, осведомился прапорщик. – На местной фауне решил поупражняться? Ладно, пошли. Меньше квартала осталось.

Разведчики вернулись на базу через час с небольшим, возбужденные, запыхавшиеся.

– Ладно, так и быть. – Алексей посмотрел на часы и снисходительно улыбнулся. – Будем считать, что в норматив уложились. Где Шанько?

– Он остался наблюдать, товарищ капитан, – доложил вспотевший Кульчий. – Напротив администрации заброшенный дом, там одеяла, старое тряпье. Не замерзнет, с комфортом проведет время, если не уснет, конечно. Все подтверждается, Алексей. Численность отряда неизвестна. Мы не могли войти внутрь и пересчитать их по головам. Но у здания стоят две БМД. В каждую влезает не больше десятка человек, включая экипаж. На площадь к администрации выходят две улицы. Можно без проблем подобраться к зданию, окружить его. Это вытянутое строение с тремя входами. Главный вход с юга. Возле него и стоит техника. Плюс две двери по бокам, возможно, заперты. Мы не видели, чтобы в них кто-то входил. Силовики в здании, сидят в помещениях, граничащих с центральным холлом. Еще не спят – огоньки блуждают, и голоса слышно. Двигатели БМД заглушены, экипажи тоже в здании. На улице двое часовых. Один у парадного входа, другой обходит управу, а потом несколько минут составляет компанию первому. Все тихо, командир, им и в голову не приходит, что будет атака. Если в обстановке произойдут изменения, то Шанько доложит. Штурмуем, командир?

– Плохо, что они еще не спят. – Алексей поморщился. – Их явно больше, чем нас, они находятся под защитой стен, лучше вооружены. Единственный наш шанс – взять их теплыми. – Он принял решение. – Все слушают внимательно! Делаем так. Атакуем перед рассветом, в семь утра. Подъем в пять тридцать. Завтрак, водные процедуры, гм. Выдвигаемся в шесть пешим порядком. БМП с экипажем до сигнала остается в гараже. К семи мы должны завершить охват здания и занять позиции для штурма. Снимаем часовых, минируем главный вход на случай, если крысы побегут с тонущего корабля. Чего уставились сонными глазами? – Алексей вскинул руку с часами. – Всем спать. Где хотите, хоть на крыше. Да поспешите, два часа вам осталось на это удовольствие. Гавава, Лопырев, вы не участвуете в штурме, поэтому в охранение! Оба, немедленно!

По сигналу сотового телефона Стригун вскочил как новобранец, первым выбрался из десантного отсека. Неудобства страшные, но ладно, хоть не боковая полка рядом с цыганами у туалета. Спал всего ничего, а такую уйму снов успел пересмотреть! Первая жена, любимая Иришка, погибшая в автокатастрофе, пришла к нему, присела на край кровати. Она что-то тихо, вкрадчиво говорила, искала его руку, а он лежал парализованный от страха, не знал, как себя вести.

Явилась, не запылилась вторая супруга, теперь уже гражданская. Он прожил с ней два года, а потом погнал в шею, застав в позе наездницы на заместителе командира части по воспитательной работе.

Медсестра Галка, живая, теплая, безумно хорошая, тщетно пыталась его разбудить, жарко шептала, что он не должен в это верить. Все вокруг – абсурдный сон. Нет войны на Украине, не было Майдана, Крыма, санкций, не умирали тысячами мирные жители, не зверствовали нацистские батальоны на Юго-Востоке. Нужно только проснуться, и все будет как прежде!

Алексей проснулся, и что изменилось? Он возвращал в голову убегающие мысли, выстраивал их там, покрикивал на сонных бойцов, критично созерцал свое маленькое, но удаленное войско. Ополченцы заразительно зевали, заправлялись, приводили в порядок амуницию.

– Да ладно, мужики, – сипло прогудел Гуляев. – Быстро дело сделаем, и дальше спать.

– Ну, у тебя и харе-рама, Архипов! – подтрунивал над бывшим гаишником Ванька Махецкий.

Физиономия у того действительно была донельзя опухшая и сама на себя не похожая.

– Жалеешь, поди, что в ополчение подался? Сидел бы себе спокойно в кустах, бабки с автомобилистов выколачивал.

– Да пошел ты! – беззлобно огрызнулся Архипов.

– Что, мужики, все готовы? – спросил Алексей. – Внесем свой вклад в стабилизацию ситуации на Украине?

Шутка понравилась, бойцы улыбнулись, распрямляли спины, молча слушали последние наставления. Даже Махецкий прекратил паясничать и отвлекаться, наострил уши.

По завершении инструктажа он, правда, не удержался и заявил:

– Мы поняли, товарищ капитан. Заходим с непроницаемыми лицами, всем показываем средний палец!..

Семицкий и Дьяков ушли дозором. Через пять минут они доложили, что в поселке тихо, дорога свободна. Улица Восточная в полном распоряжении спецназа. Правда, снега навалило... мать честная! Лучше бы денег столько!

Зевающие Гавава и Лопырев пообещали не спать, но что-то подсказывало командиру, что свое обещание они не выполнят. Спецназ передвигался ускоренным маршем – шестеро по правой стороне дороги, пятеро по левой. Не тянуть же кога за хвост! Снега действительно выпало выше нормы – ноги вязли, тонули. Разгулялась матушка-природа.

Андрюха Левин наступал Алексею на пятки. Где-то за ним усмеялся Гуляев. Мол, самое время нарядиться в Дедов Морозов и с подарками завалиться к хохлам. Беспокойство не проходило, пощипывало нервы.

Ближе к центру поселка, где стояло здание администрации, группа стала рассредоточиваться. Четверо с Кульчием свернули в переулок, чтобы зайти с тыла. Еще трое ушли в левый проход вдоль забора механических мастерских, припустили бегом, чтобы обойти квартал и взять под контроль западный вход.

За сто метров до цели Алексей увел с дороги остальных. Люди по одному перебирались на участок через проломленный забор, брели по грядкам, засыпанным снегом. Чертыхался Бобрик – он чуть не провалился в пустую бочку, врытую в землю.

В шесть сорок Бобрик с Архиповым первыми проникли в дом, где находился наблюдатель.

– Шанько, не стреляй, это мы.

Заворочалась груда одеял под подоконником. Шанько неплохо устроился. На подоконнике лежали «АКС», десантный нож с зазубренным обушком и пара гранат.

«От кого обороняться собрался?» – мелькнула мысль у командира.

Сам боец сидел на стуле, укутанный как гриппозный больной. Судя по воспаленным глазам, он за всю ночь их ни разу не закрыл. При появлении своих Шанько стал подниматься, сбрасывать одеяла.

– Ты просто гигант, Ян! – протянул Бобрик. – Сидишь тут как привязанный. Терпеливый ты парень.

– Там, где кончается терпение, начинается выносливость, – блеснул Гуляев цитатой из Конфуция.

– А что ему тут делать – хороводы водить? – проговорил Архипов.

– Докладывай, Ян. – Стригун кивнул на окно. – Ще не вмерла?

– Нет еще. – Шанько покачал головой.

– Ничего, подождем, – сказал Бобрик, занимая позицию на опустевшем стуле.

В доме было не холодно, во всяком случае, сквозняки не чувствовались. Предательски поскрипывали половицы. Из окна открывался отличный вид на фасад здания поселковой адми-

нистрации. Снегопад прекратился. До объекта не больше ста метров открытого пространства, заваленного снегом и мусором.

Из ночной хмари выплывала продолговатая кирпичная постройка с утолщенной центральной частью и двумя крыльями. Архитектор явно не заморачивался. Один этаж, островерхая крыша, небольшое слуховое оконце на чердаке над крыльцом, не отличавшимся помпезностью. Рядом с ним стояли какие-то покосившиеся стенды, справа притулились две боевые машины десанта.

На крыльце пританцовывал часовой. Даже издали было видно, как он заразительно зевает.

– Рейхстаг, блин! – мрачно проговорил Архипов.

– Все тихо, командир, – глухо вымолвил Шанько. – Когда я заступил, эти твари еще возились, таскали в здание какие-то ящики, скрученные одеяла. Огоньки по комнатам бегали. По чердаку кто-то лазил. Потом угомонились. И вот что интересно, командир. В западном крыле их точно не было. – Шанько показал пальцем на левую сторону здания. – Во всяком случае, с фонарями не шастали. Все в восточной части. Там, похоже, несколько отдельных помещений. А вот за северную сторону не скажу, не знаю.

– Часовой один?

– Нет, их двое.

Только он это сказал, как из-за восточного угла показался еще один военнослужащий. Высокий плечистый парень широко зевнул, сделал несколько разминающих упражнений и побрел к товарищу. Пару минут они стояли рядом, общались, курили одну сигарету на двоих. Потом расстались. Первый постовой остался на крыльце, второй побрел вдоль фасада на западную сторону.

«Дисциплина неплохая, – отметил Алексей. – Могли бы залезть в БМД и не париться».

Ожила рация, донесся приглушенный голос Дьякова:

– Командир, мы на западном торце. Здесь дверь забита, ею не пользуются. Можно, конечно, выломать...

– Отставить! – Алексей напрягся. – К черту дверь, есть еще две. Живо валите оттуда, Дьяк. К вам идет часовой, через несколько секунд будет.

Слава богу, все обошлось. Здоровяк, переваливаясь с ноги на ногу, скрылся за углом. Ополченцы успели спрятаться. Приказа снимать часовых пока не поступало. Алексей лихорадочно соображал, что предпринять. Украинские вояки отбились несколько часов назад, вряд ли в ближайшие минуты будет объявлен подъем. Они спят спокойным детским сном, включая офицеров.

– Куль, ты здесь?

– Здесь, товарищ капитан, – отозвался прапорщик. – Неподалеку от восточного крыльца. Ждем-с!..

– Через пару минут мимо вас пройдет часовой. Пока не трогайте, пусть поживет еще. На следующем круге – снимайте.

– Понял, командир.

В голове Стригуна мелькнула шальная мысль – подогнать БМП и ударить по зданию из пушки. Вот фейерверк начнется! Успех гарантирован на сто процентов. Но был приказ работать тихо, точнее сказать, без особого шума. Приказ непонятный. Ближайшие вражеские войска находятся в Ремане, за двадцать верст, никто не услышит стрельбу. Но за долгие годы службы он уяснил как «Отче наш», что к приказам вышестоящего начальства можно относиться по-разному, но выполнять их надо.

Здоровяк продолжал свой предутренний моцион, боролся со сном и холодом. Бдительность военнослужащего прихрамывала. Он сделал еще один «круг почета», задержался на углу,

чтобы справить нужду, не догадываясь, что это уже ни к чему, и побрел к часовому, стоявшему на крыльце. У них вновь нашлась тема для общения.

– Внимание, начали!

Часовые не видели, как с участка дома напротив выскользнули пять фигур, сместились так, чтобы их закрыли БМД, и бесшумно полетели вперед, маневрируя между препятствиями. Когда беседа завершилась, двое ополченцев уже сидели за броней, а трем пришлось расплатиться посреди пустыря.

Возможно, часовые что-то почуяли или услышали. Они повернули головы, стали осматривать пустырь. Но там никто не шевелился. Седая мгла накрыла пространство перед оплотом поселковой власти.

Здоровяк поправил автомат и побрел по установленному маршруту, пиная сапогами обломки стекла. Он скрылся за углом. Его сослуживец сладко зевнул, а вернуть челюсть на место уже не смог.

К нему подлетел Шанько, блеснула в тусклом свете холодная сталь. Туловище часового словно надломилось, он захрипел, когда лезвие рассекло горло, беспомощно всплеснул руками и повалился в свежий снег, который мгновенно заалел.

– Еще одна котлета по-киевски! – мстительно прошипел Шанько, вытирая лезвие о ногу мертвеца.

Остальные время не теряли. Чека из запала уже была вырвана, Алексей держал гранату в кулаке, прижимая руку к корпусу. Мощная лимонка – рванет, мало не покажется. Он лихорадочно вертел головой, выискивая, куда ее пристроить. Бобрик пришел на помощь, приподнял за ручку входную дверь. Ее заперли изнутри на засов, но конструкция была никудышной, петли болтались, дверь гуляла в разошедшейся раме. Между дверью и порожком образовалась щель с кулак, куда Стригун и сунул гранату. Тяжелая дверь придавила чеку. Но стоит ее открыть!..

– Пошли, не будем стоять во всем этом... – Он махнул рукой и направился к восточному углу.

Здоровяк прошел вдоль задней стены, выбрался к торцу, где и столкнулся с судьбой. Но не все прошло гладко. Он успел взбрыкнуть. В груди мусора недалеко от крыльца возились в «партере» два тела. Один из участников состязания натужно пыхтел, работал ножом, второй терял последние силы, уже дрожал в конвульсиях, изрыгал какую-то хриплую руладу.

Рядом с ними согнулся в три погибели незадачливый Андрюха Левин. Он тоже попал под раздачу, поднялся на колени, держась за низ живота, приглушенно матюгался.

– Ты чего? – спросил Алексей.

– По хозяйству схлопотал, – проворчал боец, яростно гримасничая. – У этого громилы реакция будь здоров.

– Так нечего было хлопотать по хозяйству, – проворчал Антонец, отрываясь от поверженного тела. – Но ты не расстраивайся, Андрюха, я за тебя поквитаяюсь. Десять контрольных в голову достаточно?

– Надо же, как смешно! – буркнул Левин, отодвигаясь от свежеспеченного мертвеца. – Терпеть не могу покойников.

– Серьезно? – удивился Антонец, убирая нож в поясные ножны. – Они сделали тебе что-нибудь плохое?

Перебежали бойцы, подбираясь ближе. Из-за угла выскользнули трое – тоже свои. Кто-то замешкался в районе груды бетонных плит и глухо чертыхнулся – нога застряла в порванной арматурной решетке.

«Доморощенный любительский спецназ!.. Ладно, подтянутся, можно начинать, – решил Алексей. – Какие-то вихри враждебные в голове. Интуиция порывается что-то сообщить».

Котенко, бывший учитель труда, отсидевший по молодости два года за вскрытие чужого жилища – просто оступился, нормальный мужик, – уже восстанавливал забытые навыки, кол-

довал с дверью. Ничего мудрого – потянуть полотно на себя, вставить лезвие штык-ножа в образовавшуюся щель, определить на ощупь характер запирающего устройства.

– Домушники, блин! – пробурчал ему в спину Андрюха, недавно пострадавший.

Рывками отъехал немудреный засов, поползла, поскрипывая, дверь. Бойцы по одному проникли в широкий коридор, заставленный каким-то хламом – шкафами, допотопными громоздкими сейфами, книжными полками, снятыми со стен, и стеллажами. Видимо, до войны поселковое начальство собиралось делать ремонт, завезти новую мебель.

Плохо работать вслепую, не представляя план здания и местоположение противника.

«Могли бы допросить одного из часовых», – мелькнула в голове командира запоздалая мысль.

Стригун прижался к стене, пропуская кого-то из бойцов, всматривался во мрак. Ширина коридора была не меньше четырех метров. Двери по обеим сторонам. Сколько их? Не разобраться. Метров двадцать до холла, там же слева главный вход. Если в западном крыле нет противника, то можно отрезать холл, забросать помещения гранатами, устроить вражеским разведчикам небольшой, но действенный котел.

– Мужики, передавайте по цепочке, – зашептал Алексей. – Дверь в холле не открывать, она заминирована. Офицеров по возможности не убивать – нужны языки. Трое за мной! Отсе-чем холл от противника.

Еще не все ополченцы вошли в здание. Только они начали движение, как разлетелось оконное стекло в одной из комнат, раздался встревоженный крик, и хлестнула автоматная очередь!

Кто-то стрелял из дома по улице! Стригун похолодел. Парни замешкались, их заметили из здания. Да и тела часовых разбросаны весьма живописно. Первая ласточка прилетела? Поздно холодеть, работать надо!

В одно мгновение все здание наполнилось шумом. Топали сапоги, орали люди. Кто-то продолжал стрелять, что-то испуганно крича в паузах между очередями. В первые мгновения было трудно сориентироваться, принять решение. Растерянные ополченцы пятились к выходу.

Впереди распахнулась дверь, кто-то вылетел в проход. Алексей вскинул «АКС», ударил не целясь, и сразу же оглох, одурел от пороховой гари.

Орал раненый, да и все остальные. Стригун прижался к стене, повалился на колени, уходя с линии огня. Товарищи тоже не стояли как пни. Кто-то метнулся за шкаф, кто-то покинул здание.

– Командир, у нас «двухсотый»! – выкрикнул Бобрик.

– Кто?

– Ванька Махецкий! Он запутался в арматуре, посекали парня.

Эх, бродяга!.. Не успел показать свою бесшабашную удаль!

А в здании уже царила полная неразбериха.

«Рай для тех, кто любит ад», – как однажды высокохудожественно выразился Гуляев.

Шанько оказался прав – весь вражеский отряд располагался в восточном крыле. Солдаты выбегали из комнат, рассупоненные, ошарашенные, палили куда попало, метались, натываясь друг на друга. Кто-то полез в окно, но это была неудачная затея. Ополченцы находились и снаружи. Они встретили беглеца кинжальным огнем. Стрельба уплотнялась – теперь били все куда попало! Люди бежали по коридору к холлу, падали, выжившие прятались за мертвых и умирающих.

– Не отступать! – срывая голос, орал украинский офицер, но в первые ряды почему-то не лез.

Ополченцы корчились за шкафами, катались по полу, увертываясь от шальных пуль. Переходить в наступление было бессмысленно – не класть же людей задаром! В неприятельских рядах царила паника. Несколько человек выскочили в холл, кто-то бросился к входной

двери, вышиб ее ногой. Мощный взрыв прогремел с задержкой в четыре секунды. Незадачливый боец не успел покинуть зону поражения, ему порвало всю спину. Обрушилась часть стены рядом с входной дверью, завалила проход. Ударная волна разбросала украинцев по холлу, они возлились в дыму, пытались подняться. Дышать в этом хаосе становилось нечем.

– Вперед! – прокричал Алексей.

Кто-то оттолкнул его, полез поперек батьки в пекло. Дьяков! Еще один без царя в голове!

– Братва, ложись! – завопил он, он швырнул в сторону холла наступательную гранату «РГД» и сам отпрянул, укрылся за сейфом.

Алексей распластался на полу, закрыл голову. Вспышка! Вызвать разрушения граната не могла, но рванула неслабо.

– И еще одна в подарок! – крикнул Дьяков, швыряя вторую гранату.

Этого добра у него, похоже, накопилось, как на старых складах. Он влетел в ближайшую комнату, чтобы избавиться от третьей, но рухнул на пол, встреченный плотным огнем.

Ополченцы не успели опомниться, как из помещения, перепрыгнув через Дьякова, вылетели двое украинских солдат и стали остервенело палить в разные стороны. Сполохи выстрелов разрывали кромешную темноту, выхватывали сцены боя, перекошенные лица.

«Тебя не убьют, – думал Алексей, катаясь по полу. – Только не сегодня».

Дурдом не прекращался. Но ополченцы постепенно выдавили в холл ошарашенных противников. Прорваться к парадному входу украинцы уже не пытались, катились за угол и пропадали за ним.

Один не смог сориентироваться – бросился напрямик через холл, к заблокированной двери в западном крыле. Он орал от страха, бился в запертую дверь, потом упал на пол, нашпигованный свинцом.

– Боже мой, как больно! – проорал парень на все здание.

– А что ты хочешь? Война идет, – пробормотал Антонец.

Он стрелял короткими очередями, шел вперед, качаясь как маятник. Ему хватило благоразумия не сунуться в холл. Антонец распластался на полу перед поворотом, обернулся. Блеснули зубы.

– Ты как, командир, нормально? Эх, сейчас бы пару стаканов успокоительного!..

Ополченцы приходили в себя, готовились к броску. То один, то другой перебежали по коридору. На какой-то миг наступила тишина. Впрочем, долго она не продержалась. Оставлять пустые помещения за спиной было верхом неразумности. Прапорщик Кульчий пинком распахнул дверь, закатил в нее гранату. Семицкий сделал то же самое на противоположной стороне коридора. Раздался грохот, рушилась мебель, брызгали со стен панели и штукатурка.

– В натуре вносим свой вклад в стабилизацию ситуации на Украине! – заявил Семицкий.

Уцелевшие силовики засели в холле, испуганно перекликались, палили для острстки, не давая ополченцам идти вперед. Бойцы Стригуна готовились к броску.

«Языка бы взять, – стучало в голове командира. – Ладно, как получится. Ребят жалко, двоих уже потеряли».

О себе он не думал. Кто-то за его спиной включил фонарь, осветил часть здания, мертвые тела, разбросанные по коридору.

– Не подползать! – закричал Алексей, прячась за старым шкафом. – Гранатами забросают, хрен от нас останется!..

В холле разбилось стекло, послышалась возня.

«Через окно хотят уйти», – подумал Алексей.

Видимо, на это силовики и рассчитывали. Но снова им не повезло. С улицы простучала автоматная очередь. Молодец Котенко, сообразил, откуда ждать врага! Боец, собравшийся покинуть здание, с грохотом свалился с подоконника, покатился по полу как полено. Отчаянно закричали выжившие.

– Давайте по одному, вурдалаки! – надрывал глотку учитель труда, дорвавшийся до реванша. – Вас ждут, помнят!

– Товарищ майор! – воскликнул чей-то молодой голос. – Тут дверь в подвал!

«Вот только этого не хватало, – с тревогой подумал Алексей. – Укроются укры в подвале, выколупывай их потом оттуда».

Впрочем, имелась и хорошая новость. В горстке выживших есть офицер, да еще и целый майор.

Не успел Стригун опомниться, как Шанько крикнул:

– Уйдут же, товарищ капитан!

– Лежать! – встрепенулся Стригун. – Далеко не уйдут.

Какого дьявола? Почему этот Шанько ослушался приказа?!

Какая-то нелегкая оторвала бойца от пола. Он бросился в холл, передергивая на ходу затворную раму. Возможно, авантюра и прошла бы. Украинские силовики не ожидали такой наглости. Но у Яна заклинил затвор! Он вывалился на открытое пространство, хрипел от боли и злости, когда бушлат начали рвать пули, повалился на колени, но никак не мог успокоиться. Только пуля в горло оборвала суету. Шанько упал ничком, процарапал пол грязными ногтями. Кровь хлестала из раны.

Кто-то из силовиков метнул гранату. Она катилась по полу в оглушительной тишине, оказалась под дверью тамбура и взорвалась там.

Шанько конвульсивно вздрагивал. Антонец, лежащий за углом, глухо выругался и подался вперед. Он схватил Яна за ногу и поволок обратно в коридор.

Еще одна ошибка! Силовики открыли огонь из всех стволов. Град свинца ударил по полу, выламывал щепки, огрызки половиц. Антонец вскрикнул, отпустил ногу мертвого товарища.

Алексей втащил его в коридор. Белобрысую голову «беркутовца» залила кровь. Он стоял, глаза блуждали. На корточках подобрался Левин, потащил раненого еще дальше в тыл. Из раскроенного виска бедолаги хлестала кровь. Дай бог, чтобы это был только рикошет!

Алексей извлек последнюю гранату, пополз туда, где ранее находился Антонец. Ну, держитесь, вояки!

Но, судя по звукам, силовики уже выбили дверь в подвал, спускались вниз по лестнице. Вопли, грохот! Забился в припадке бессильной ярости автомат. Это Котенко снаружи взгромоздился на фундамент и поливал холл огнем.

– Мужики, выходите! – заорал он через оконный проем. – Упустили птичек, они уже в подвале!

– Алексей, Антонец отмучился! – со злостью выкрикнул Архипов. – Пуля в башку попала. Как он сразу не умер, вообще непонятно!

Алексей стиснул зубы, вышел в холл. Там все было разбито, разбросано – искореженный диван, горшки от давно засохших пальм. Все окна вдребезги. Два окровавленных неприятельских трупа. Один лежал в такой позе, словно перед смертью хотел забраться под диван. Ниша, утопленная в стену, в ней распахнутая дверь.

В окне маячила злобная физиономия Котенко. Боец раскраснелся от возбуждения, кусал губы.

– Аким, вернись на улицу, обойди здание и находишься рядом с БМД, – распорядился Алексей. – Без тебя тут справимся.

– Понял. – Котенко вздохнул, спрыгнул с подоконника и пропал.

Состояние командира было мерзейшим. Погибли Шанько, Дьяков, Антонец, Махецкий. Еще недавно живые, все такие разные, но на любого из них он мог положиться. Не уберег отличных ребят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.